

От Столыпина до Хрущева

Из воспоминаний моего деда Максима

История крестьянина, переселившегося в 1911 г. из Полтавской губернии в Сибирь, на фоне исторических событий XX века.

Ключевые слова: Столыпинская реформа, переселенцы, производство зерна, промысловая кооперация

Переселение безземельных и малоземельных крестьян за Урал, в Западную и Восточную Сибирь, было частью аграрной реформы, проводимой Столыпиным. По сию пору поражаешься глубине и тщательности проработки отдельных вопросов, преимуществам, стимулирующим переселенцев. Главе семьи предоставлялся участок в 15 десятин (15 га), а на остальных членов семьи – до 45 десятин! Семья получала денежное пособие до 400 руб. (это гораздо больше двухгодичной зарплаты сельского рабочего), а также льготную ссуду на 25 лет. Кроме того, на 5 лет переселенцы освобождались от налогов и от воинской службы.

Наконец, по инициативе Столыпина Министерством путей сообщения были разработаны и построены специальные вагоны для переселенцев, названные позже «столыпинскими»! В одной половине вагона – обычные спальные места, в другой – места для перевозки инвентаря и домашнего скота, чтобы переселенец в пути сам ухаживал за своей животиной. Были в вагоне водяное отопление, туалет и всегда готовый титан с кипятком. Билеты для переселенцев в них стоили в три раза дешевле обычных! Но и это еще не все: перед переселением бесплатно отвозили смотроков, для осмотра нового места.

Вот по этой программе дед мой, Максим Акимович Шапошников, 1881 г. рождения, с десятью соседями из села Яблонивка под Полтавой и приехал в с. Гусельниково под Новониколаевском весной 1911 г. Смотроки посмотрели и пощупали землю, съездили в уездный центр с. Легостаево, подписали нужные документы и вернулись за семьями. Изпод Полтавы дед увез жену, дочку и единственную лошадь с конным плугом. Еще и успели к поздней запашке сибирской целины. Через четыре года у Максима Шапошникова был

срублен дом, пять окон по фасаду, в хлеву дремали пять коров, а в конюшне стояли четыре лошади, были и конные грабли, жатка, сенокосилка. Да еще и три сына народились один за другим. Хозяйство деда Максима считалось в селе образцовым, хотя и было далеко не самым крупным.

Но я увидел деда впервые не в Гусельниково, а лет в пять в с. Ургун, где дед с бабкой жили в избе со старшей дочерью (этот брошенный дом и по сию пору стоит на том самом месте в зарослях деревенского бурьяна на окраине деревни). Село Ургун в четырех километрах от железнодорожной станции Евсино было, по нынешним понятиям, очень населенным. Дед переехал в Ургун к дочери после того, как его, культурного хозяина, в 1930-м раскулачили и сослали, слава богу, что не в Нарым, а на известковое производство на станцию Ложок. Там, за колючей проволокой, дед и отработал три или четыре года. Человек в известковой пыли сгорал за полгода, но дед попал в кладовщики, а потом и в счетоводы, ибо и считал, и писал очень хорошо. Дом и имущество Максима Шапошникова описали, семья разбрелась по родным и знакомым. Дед же, вернувшись, купил в с. Ургун старую избу дочке, которая к тому времени вышла замуж, и сам с бабкой переехал к ней.

Я не могу припомнить деда, вскапывающего огород или окучивающего картошку, это, говорил он, бабьи дела. (Кстати, огород дед всегда пахал конным плугом, коня и плуг для этого брал в колхозе.) А вот с косой он управлялся лихо! Дед даже мне, лет в 9–10, сделал небольшую косу и брал с собой на покосы. На ближние покосы ездили прямо на корове Гале, запряженной в телегу. Галя этому ничуть не удивлялась, удивлялся я – юный пионер! Выезжать надо было очень рано, часов в пять, чтобы косить по росе. Дед шел первым и, вжикая косой, размеренно укладывал кошенину на росистую стерню. Мне отводили крайний рядок либо предлагали в одиночку выкосить небольшую полянку, тогда все огрехи были хорошо видны. А дед тем временем покрикивал на косцов, случалось, и посылал их по матушке. Еще до полудня косьба заканчивалась, и печальная Галя потихоньку везла нас к дому. Так продолжалось два или три дня.

В конце пятидесятых все личные хозяйства были небольшими, так как их по инициативе Хрущева обложили такими

непомерными налогами, что всю домашнюю скотину Россия пустила под нож, да и посевы многих культур сократились. Хрущев, как известно, был одержим идеей преобразования всех колхозов в совхозы и превращения всех видов собственности в общественную или общенародную. Даже личные автомобили считал буржуазным предрассудком, а все потребности в передвижении, как он говорил, успешно удовлетворит общественный транспорт. Кстати, до станции Евсино из Ургуна всегда ходили пешком, за четыре километра, в любую погоду, и по сию пору так! А у тетки осталась одна корова, три овечки и пять кур.

Удивительно, что к 1913 г. после реформ Столыпина Россия производила около 86 млн т зерна и продавала его всему миру. И сибирское и, особенно, алтайское зерно в этих продажах было далеко не последним. Ибо с 1906 г. по 1912 г. в Сибирь переселилось и осталось там более 2,5 млн человек! Потому и площади сельхозугодий выросли на треть, а производство зерна – с 68 млн т в 1907 г. до 86 млн т в 1912-м! В учебниках истории, по которым учился я, беззастенчиво писалось о том, что Столыпинская реформа была неудачной, что многие переселенцы разорились и вернулись. Вернулось на самом деле около 700 тыс. человек, но осталось-то в три с половиной раза больше! Дед и про это мне рассказывал.

Их хохляцкий край в селе считался зажиточным, но были, конечно, и бедные переселенцы. Дело в том, что с началом реформ по России покатился слух, что в Сибири текут молочные реки с кисельными берегами. И поехали в Сибирь так называемые самовольные переселенцы, без регистрации, без льгот, с одним только желанием разбогатеть! Вот они-то и мыкались без земли, без жилья. Хотя и им пытались помогать Переселенческое управление.

А дед Максим со своих 40 десятин (только зерновых!) продавал до четырех тысяч пудов хлеба (это называлось стопудовым урожаем!). Несбыточная мечта большинства советских колхозов: 16 ц/га с удобрениями, тракторами, комбайнами. Дед эти магические сто пудов собирал уже в 1913 г. «врукопашную!» А вот после реформ Хрущева, с 1961 г., Россия во все больших масштабах начала покупать зерно на Западе, в Канаде и США, а мясо – в Аргентине! Помню, дед вслух

читал детские сказки о светлом пришествии коммунизма в газете «Известия», о том, что мы догоним и перегоним Америку по производству мяса, ухмылялся в усы, но ни слова не говорил против власти, которая так его обласкала. А я помню с тех времен веселую школьную поговорку: «Держись, королева, из штата Айова!»

Когда началась целинная эпопея, отец мой активно участвовал в подготовке бухгалтеров для новых целинных совхозов (колхозов там вообще не было), ездил в Кулунду, на Алтай. Но вещи рассказывал ужасные, особенно о первых урожайных годах, когда горы собранного зерна, поливаемые дождями, горели. Элеваторов и зернохранилищ не хватало, да и вывозить было не на чем! Дед на такие рассказы только огорченно хмыкал и доставал новую бутылку самогона. Правда, после освоения целины производство зерна наконец превзошло уровень магического 1913 г.!

В конце пятидесятых ни электричества, ни радио в с. Ургун не было, жили с керосиновыми лампами. Одна радость: раз в неделю приезжала кинопередвижка, запускался движок, и в клубе показывались последние фильмы. Помню, с каким восторгом мы с дедом смотрели «Максимку».

Когда покос заканчивался, дед обязательно топил баню. Неважно, в субботу это случалось или в другой день. Суббота назначалась баннным днем по определению, как у Алеши Бесконвойного из рассказа Шукшина. Баня была старой, покосившейся и топилась по-черному. (Сейчас, как старый банщик, могу утверждать, что самый «вкусный» пар именно в ней!)

Наша баня стояла на краю усадьбы, на берегу крохотного зарастающего озера. И бросаться из бани в воду стало высшим наслаждением, здесь подхватил я у деда первые уроки банного мастерства. Мы ходили всегда «в первый пар», «бабы пусть идут потом, им и того хватит», – говаривал дед. Я по малолетству выдерживал на полке с дедом сколько мог. Мы вместе прыгали с полка, а потом с мостков валились в озеро, откуда в ужасе разбегались лягушки и головастики. После трех-четырех заходов пили хлебный квас и шли домой ужинать, и начиналось свое священнодействие. На столе дымился чугунок с вареной картошкой, а в русской печи

шкварчала сковородка с чем-то вкусным. И тут дед обязательно доставал из потайного угла бутылку водки или самогона. Дед почти не рассказывал о прошлом, может быть, я был для него слишком малолетним собеседником? Он умер в 1962 г., когда мне исполнилось 14 лет. Все его рассказы связаны с какими-то событиями, даже незначительными. Он ушел на германский фронт в 1915 г., хотя мог бы еще год-два подождать как переселенец. Но идти в бой «За веру, царя и Отечество!» – это было, по его мнению, правильно.

В конце пятидесятых дед Максим стал уполномоченным по заготовке лекарственных трав от областного аптекоуправления. Заготавливал дед в основном растение под названием горицвет, в просторечии – стародубка, с массой полезных свойств – от сердечно-сосудистых до геморройных недугов (эта хворь, как известно, на Руси называлась веселым словом «почечуй»). Так называл ее и Пушкин, даже в «Онегина» это слово вставил! Для заготовления стародубки и расчета с населением-заготовителями деду выделялись деньги (кои он как настоящий счетовод строго учитывал и хранил) и главное – ткани, свечи, керосиновые лампы, инструменты и т.д. А еще для перевозки мешков с корнями стародубки и товаров в оплату деду выделялась грузовая машина на два летних месяца.

Машина была старой, полуразбитой полуторкой ГАЗ-АА, но водитель исправно заводил ее каждое утро и колдовал над ее стальными потрошками вечером. Звали его, конечно, Вася, и выглядел он за рулем заправским супергонщиком. Характерный штрих: двери водительской кабины не закрывались (замки сломались, видимо, еще до войны), и каждую дверцу надо было привязывать шнурочком с бантиком! Ну и что, говорил, бывало, Вася, зато заводится и едет! Эти шнурочки и стали причиной одного из приключений.

Ездили мы в основном в треугольнике районов – Искитимского, Черепановского, Маслянинского. Это очень красивая пересеченная местность со множеством холмов, рек, речушек, озер. Одни скальные ворота на реке Малый Ик чего стоят! Дед рассказывал, что до начала коллективизации скальные ворота были перекрыты плотиной и рядом с большим рукотворным озером шумела водяная мельница. Качество помола у здешнего мельника (вроде бы латыша) было таким высоким,

что зерно к нему возили за многие десятки верст, хотя были мельницы и поближе. Ну а потом появилось сталинское «Головокружение от успехов»: плотину взорвали, мельницу разрушили, а мельника пустили в расход, как нераскаившегося кулака! Деда, кстати, раскулачили только потому, что был он единоличником и вступать в колхоз ни за что не хотел. Сейчас вместо озера журчит речушка, и лес все так же шумит, и отвесные скалы поднимаются в небо... Сибирская Швейцария, одним словом!

В наше время здесь возникло немало горнолыжных центров: Линево, Новососедово, Пихтовый гребень, Юрманка... Но до этого было еще много десятков лет, а пока мы носились с горы на гору, от села к селу, и кузов наполнялся очередными мешками со стародубкой. Чаще всего дед ездил в кузове, охраняя свое добро, а мне уступал кабину. Василий обожал носиться по холмам, потому что под горку его «старушка» вместо штатных 60 км/ч давала и 80, и 90! Вот и с очередной горки он поддал газу и засвистал по-разбойничьи, высунившись далеко из кабины, я по его примеру тоже заорал от восторга, повиснув на двери. А под горой дорога довольно круто поворачивала влево. И тут на вираже, когда полуторка вспоминала свою лихую молодость, лопнул шнурок у моей правой дверки, и я, повисев некоторое время на ней, сорвался и покатился в густую траву у обочины.

Вася этого даже не заметил, заметил дед, он и замолотил кулаком в крышу кабины. А я катился и катился, сначала по траве, потом по стерне, пока не уперся в копну сена. Когда я открыл глаза, надо мною стоял дед, улыбался в усы и держал в руках почему-то грабли. «Повезло тебе, внучек, – услышал я, – грабли-то лежали зубьями вверх!» После этого случая дед выдал Васе два тонких сыромятных ремешка для привязывания дверей кабины.

Это происшествие нисколько не отбило у Васи охоты носиться где можно и где нельзя. Помню, где-то в районе Листвянки проселочная дорога круто уходила под насыпь узкоколейки, а в насыпи для проезда мирных жителей был построен настоящий тоннель. В нем всегда стояла огромная лужа, а у въезда и выезда непролазная грязь не просыхала даже в самый июльский зной. Вася как всегда на хорошем ходу

влетел в эту лужу и застрял по самые ступицы! И Васе и деду пришлось разуваться, чтобы не промочить сапоги, я же скинул тапочки и провалился сразу выше колена! Помочь тут мог только трактор, но где его искать? Мы бродили босые около застрявшей машины и слушали затихающие дедовы матерные причитания, в которых «бисов сын» было самым ласковым выражением. До ближайшего села было не меньше десяти верст, да и не нашлось бы в селах и колхозах тогда тракторов, все трактора были в МТС, куда, как известно, собирался уйти Матвей Морозов (в фильме «Дело было в Пенькове»).

И тут, на наше счастье, с другой стороны насыпи послышались знакомые всякому хохлу понукания: «Цоб цобэ!» На двух быках мужик собирался везти целую копну сена. Но копна стояла на нашей стороне! Мы распрягли быков, взяли вожжи вместо постромок, и Вася босиком сел за руль! Он врубил полный газ, мужики заорали в три голоса и огрели быков хвостинами! Полуторка наша вылетела из векового болота, как пришпоренная.

После «чудесного спасения» мы устроили привал. И тут дед как прорвало, он вдруг впервые стал рассказывать нам с Васей о том, как попал в Гусельниково. Как в 1911 г. агитаторы, государственные люди, приезжали к ним под Полтаву и уговаривали всех переезжать в Сибирь, где свободной земли – как у дурака махорки! Столыпинская реформа продолжалась, хотя пуля для Петра Аркадьевича уже отливалась. Стреляли в него, как известно, 1 сентября в Киевском театре, 5-го он умер. «И шож вы соби думаете? – вопрошал дед. – Подхватились мы, десять здоровых мужиков, и поехали смотреть новые места, сначала по железке до Новониколаевска, а потом на подводах до Гусельниково. Присмотрели себе наделы и вернулись за семьями».

Потом дед даже показал мне истрепанную брошюру «Что нужно знать переселенцу о Сибири», изданную в 1908 г., тиражом более 500 тыс. экземпляров. В ней приводились уже упомянутый перечень льгот, особенности сибирского климата, приемы и сроки обработки земли, даже варианты строительства домов.

Полученную ссуду дед так и не вернул Крестьянскому банку, в 17-м году он пришел с фронта и снова начал активно

хозяйствовать, не вступая ни в какие партии и не поддерживая ни белых, ни красных. Году в 25-м даже получил грамоту культурного хозяина. Еще он активно участвовал в промышленной кооперации, явлении почти неизвестном в России, а в Сибири очень распространенном. Крепкие хозяева объединялись, делая то, что у кого лучше получалось, от запашки земли, косовицы, до продажи и обмолота. Дед и сыновей своих обучал разным умениям: плотницкому, столярному, скорняжному и т.п. Тогда никакой пожар не страшен, как он говорил! Жаль, отец не успел ничему такому научиться, ему было 10 лет, когда деда раскулачили.

В это же время в СССР, согласно статистике, активно продолжался экспорт зерна: 31-й год – 48 млн ц, 32-й год – 52 млн, при заметном падении объема производства этого самого зерна (производители, как известно, умирали в ссылках). В 1932 г. валовой сбор упал до 47 млн т! И в это же время СССР бьет все рекорды по импорту машин и оборудования, включая, конечно, и небольшое количество тракторов и комбайнов: 1931-й – 45% мирового экспорта, 1932 г. – 58%. Похоже, на «деньги деда Максима» это все и покупалось.

...В последние годы жизни основным транспортом деда стали большие деревянные деревенские санки, на которых он каждую зиму возил целые кипы банных березовых веников, заготовленных летом в Ургуне. Веников дед заготавливал не одну сотню, стоили они в те времена рубля полтора (трамвайный билет – 30 коп.), и наторговывал он в зимний сезон до 500–600 руб., даже помогал батяне с ремонтом и реконструкцией дома. Правда, навыки хлебороба дед тоже не забывал.

А еще дед Максим разводил кроликов, делал стеариновые свечи, в том числе и на продажу, и вообще был «страшно упертым хохлом!» И умирать дед совсем не собирался на 82-м году своей жизни. Он провалился под лед где-то под Ургунем, заболел и умер почти у меня на глазах. Помню, я взял его холодеющую руку и услышал: «Вот так, внучек, видно, смерть моя подходит, а ты живи дальше и помни меня!» Вот я живу и помню!